№ 21 ИЮЛЬ 1927 ГОД ЦЕНА 25 коп.

СМЕХАЧ

Рис. Б. Антоновского

Всего только страница разорвалась... Так сказать, домашний разрыв. Но — смотрите — хлопот не оберешься! Клеим, штопаем, белилами замазываем. Трудимся всемером.

А подумайте: ежели в международном масштабе? Дипломатический разрыв? Промеж государствами? Разве-ж тут белилами забелишь? Тут всей белой эмиграции для забелки не хватит.

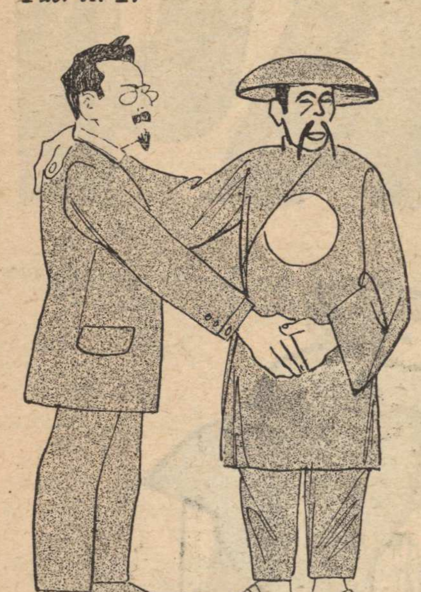
Ставим это мистеру Чемберлену на вид. Осторожнее надо. Разорвать легко—починить трудно. You see? *)

---

*) По-русски это означает: „Видал миндал?"

ЛОЗУНГ НАОБОРОТ

Рис. Л. Г.

СМОРКАТЕЛЬ

Из цикла „Лицом к деревне"

— Мужик—скотина хитрая по своему делу, — подмигнул Тимофей.—Вез я в Покатиловку одного этакого в портах и красной рубашке под мужицкий шпиль человека, и этот человек в пальцы сморкался. Вот ты диковина, думаю, городской человек, а не умеет сморкаться. Сморкнулся, ну и вытри об штаны руку, а он в карман ее прячет.

— Вас, говорю, товарищ, в спалком или прямо в ячейку везть?

Он отвечает:

— Ошибся, не из таких я. Вези в частном порядке.

— Я, понятно, к Выгрияну его, а Выгриян дотошный мужик, хозяин: три коровы, две лошади, и по газете Бедноте знает с которым начальством как обращаться. Которое побольше начальство—с тем даже и про власть загнуть можно; дескать, ситец и кырасин не соответствуют, а поменьше начальство—пугайся, дрожи. Напакостить может. А этот сморкатель неизвестный был. Выгриян, однако, враз его сметил.

— Штучка, говорит, хотя и неизвестно по какой он ставке.

А тот, видя, что шепчемся мы, говорит:

— Не бойтесь, я не коммунист.

Выгриян обомлел и шепчет мне на ухо:

— Гольная Гепея. Упреди которых и покрепче бутыль добудь.

А сморкатель мигает:

— Я сам из таких и мозольные руки имею. Вас угнетает бюрократизм, но мы заведем многополие, только, ради бога, не сочтите меня за какого-нибудь ответственного работника. Нельзя ли в частном порядке устроить сбор?

А на плетнях висели Выгрияновы соседки: справа—Парфениха, а слева—Настасья. Парфениха и спрашивает:

— Это что же, батюшка, сбор по разверстке или как будет?

Сморкатель рукой замахал:

— Что вы! Сбор производственного крестьянства и батраков: собранье по городскому, а разверстку теперь отменили.

— И слава те господи, а мы уж думали—за птицей приехали. Пужали, что птицу обирать будут за прытналог.

Выгриян кулак за спиной ей кажет, а она девченке своей кричит:

— Машка, скажи там, пущай птица слободно ходит. Сбрехали. Энти еще не приехали.

Дальше Настасья влипла:

— А телушку у меня не возьмут?

— То есть как это?

— Подушно, говорит. У меня четверо маленьких. Души у них хотя и не настоящие, но все-таки надел им затребуется, а я пятая. Дак с пятерых душ сколько же?

Сморкатель ушами повел.

— Я детально об этом не знаю, но вы не бойтесь, идите сюда.

Выгриян—впору по шее им дать, но нельзя.

— Идите, говорит, если начальство вас требует.

— Ничего я не требую,—виляет сморкатель,—я не комиссар, чтобы требовать, но если гражданки хотят, я объясню свою цель.

Настасья и Парфениха подошли: кланяются.

— Заступитесь за несчастных сирот.

Он с удовольствием зубы ощерил:

— Я сам мозолистый батрак и приехал объяснить, откуда взялась земля с человеком.

— Откуда же, батюшка?—спрашивает Настасья.

Сморкатель дал объяснение.

— Земля, грит, из туманов, а человек с обезьяной от червя. Была, грит, матерная клеточка при охлажденьи земли, вроде червя и от него все пошло.

— А червь откуда взялся?—спросила Парфениха.

Сморкатель задумался, а Выгриян, чтобы выручить его, брякнул:

— Откуда, откуда, из...

Ну так прямо и назвал, откуда.

Бабы давай креститься. А сморкатель говорит:

— Соберитесь вечерком у школы,—я частным порядком доклад с резолюцией сделаю.

Тут вскорости и я навернулся с бутылью. Выгриян пригласил его закусить, а у самого и руки и ноги трясутся.

— Вот,—грит,—Тимофей, беда. Сам он из Гепеи, а контру наводит. Ежель поддакивать—тюрьма, ежель перечить—подумает, вру и после напакостит. Как тут быть?

— Не знаю,—говорю,—тебе видней; ты газет-Бедноту читаешь.

— Ладно,—грит,—смекнем. Только бы не допустить его до резолюции. Ты,—грит,—Тимофей, пить здоровый, так ты рядом садись с ним и потчуй, а я поддержусь.

Ну, угостили мы его крепко. К вечеру мощей стал. Тут Выгриян запряг лошадь, на телегу его и в лес. А там спихнул и давай по зубам лущить.

— Ты, — грит, — сволочь, бунт заводить, советский народ возмущать—вот тебе, вот тебе резолюция. Жалуйся на меня, коли хочешь.

Отнуздал его и бросил в кусты. А мне, возвратясь, сказал:

— Если он Гепея, то смолчит, а за побитие морды ответ небольшой.

Но в том-то и дело, что он не Гепея был, а инструктор из Губземотдела. И чего ему надо было у нас—право, не знаю.

Игн. Ломакин

Англичанин (на ходу). Эй вы Как это у вас там? Руки прочь от Китая!

„ПРОЕЗДНОЙ ПУТЬ"

— Надо будет мне опять проехаться на счет нашего правления!

— Ага... рабкор, должно быть?

— Ничего не рабкор. Фиктивная командировка мне нужна.

ТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

— А вы много хлопотали в поисках места?

— Очень много. До отказа, как говорится.

ЛИЦОМ К ПРИРОДЕ

(Волжский фельетон)

Солнце закатилось в благоуханной тьме,
Закончив, по путеводителю, часы заката...
Дремлет, склонясь у перил, на корме
Бухгалтер Текстиль-Синдиката.
Выбрав столик себе по нутру,
Подставив природе обильное мясо,
Ильинка, чавкая, пожирает икру
На палубе первого класса.
А на носу, окруженный ворохом книг,
Профессор математики потирает руки:
Гоняется за формулой хитрый старик,
Не в силах вырваться из лап науки.
В ушах двух совбарышень не смолкает стук
Брошенных в Москве ундервудов,
А рядом стерегут их две пары брюк
Со вздохами влюбленных верблюдов.
У барышень в глазах—неподдельный испуг:
— А вдруг опоздаем и не вернемся к сроку?
Караулит профессора зловещий недуг,
А профессор иксы выводит в строку.
Желая припомнить лицевые счета,
Текстильный бухгалтер забыл воды и сушу—
В пятнадцатиразрядную канцелярскую душу—
Безнадежно стучалась берегов красота.
Люди, вырванные из кабинетов контор,
Копошились в человечьем, не дивились природному диву,
И напрасно Стенькой воспетый простор
Костил их и в хвост, и в гриву...

Александр Флит

САНКЮЛОТ

(Который без штанов. *Перевод автора*)

Детей и стыдливых ответственных работниц просим не читать.

О штанах, извините, разговор пойдет.

А стряслись эти штаны на разъезде Пинер, Московско-Казанской.

Мы даже время точно укажем: 26 февраля 1925 года.

В этот несчастный день на разъезде скучали два дорожных мастера, Андреев и Салмин, скучали прямо до основания.

— В душе, чего-то свербит.!.—вздохнул мастер Андреев.

— А того и свербит, что третьи сутки, не пивши, а только евши, сидим...

— Самогону бы? а?

— Самосильно, самогону. А, например, на какие шиши?

Мастер Андреев выворотил карманы.

— Действительно: никаких шишей не предвидится... Хоть шаром покати...

— И шаров, которые покатить, нету...—уныло согласился мастер Салмин.

Как вдруг лицо Андреева просветлело.

— Как так нету? Почему и отчего? Раз есть мы с тобой начальство, и у нас в подчинении ремонтные рабочие... Эй! который там человек? Горшков, что-ль? Сигай сюда!

Ремонтный рабочий Горшков, конечно, подошел к начальству.

— Катись шаром, Горшков, за самогоном.

— Денежки, дайте, товарищ мастер...

— Денежки! За денежки — всякий буржуй могит. А ты без денег.

— Без денег, товарищ мастер, неспособно.

— А ты, ежели сознательный, добудь денег, где хошь. Например, штаны заложи, а чтоб самогон был безотлагательно. Катись!

Покатился Горшков, Катится и серьезно размышляет: как быть? На штанишки боком поглядывает.

— А что-ж, ей-богу... Чем мне начальство огорчать, лучше ж я на короткий срок штаны заложу... Не зима слава-те господи... Ишь, теплынь какая на горизонте... При подобной физкультуре и штаны окончательно бесполезны...

Докатился до самогонщика Гаврюхи, скинул штаны и остался, в чем мать родила, не считая рубахи и сапог.

Зато, к начальству воротился во всеоружии— с бутылкой самогону.

— Молодец,—говорят мастера,—а в штанах не сумлевайся: как получка будет, выкупим...

— А не омманете?

— Как перед истинным! Через неделю лезь в штаны обратно, на свое законное место.

И еще очень сердечно спросили:

— А не холодно, Горшков? Не дует с поднизу?

— Никак нет,—говорит,—теперича не зима. Покорно благодарим.

Ну, ладно. Живет Горшков в чем мамаша родила, не считая сапог и рубахи; дожидается срока.

Настал день получки, а штаны продолжают неподвижно лежать в залоге.

А мастера, подлюги, шлют Горшкова — один к другому.

— Товарищи начальники! — взмолился Горшков: — Конечно, за целые штаны одному платить обидно. Но пущай каждый свою часть выкупит: по штанине на брата...

Прямо, как Соломон рассудил. Но мастера— отлынивают и только!

И, чтобы оградиться от штанов, в женской компании норовят сидеть: никаким способом к ним Горшкову не подойти.

А время, между тем, идет к весне. Заметно теплее стало, и не столько для тепла нужны штаны, сколько для участия в общественной работе: нельзя же голосовать в чем мамаша родила!

Что же было дальше? Предоставим слово рабкору:

„Обратился Горшков к Профуполномоченному. Последний, совместно с Охраной Труда составил акт за № 4. Подписали его все: профуполномоченный Червяков и члены комиссии по Охране Труда, Ермаков и Васильев".

Какой-такой акт, в каких выражениях—рабкор не пишет.

Наверно, вот какой акт:

„Такого-то числа мы, нижеподписавшиеся, осмотрев тов. Горшкова обнаружили, что он действительно не находится в штанах, каковые взяты в залог за бутылку самогона гражданином (имя рек). Из опроса дорожных мастеров, тов. Андреева и Салмина, выяснилось, что упомянутые штаны заложены Горшковым по их распоряжению, для приобретения самогона.

Считая создавшееся у тов. Горшкова положение явно ненормальным, а поведение Андреева в Салмина в отношении залога штанов незаконным и преступным, просим и т. д.".

Написанный акт—

направили к н-ку 18-го участка и Учко 9 и 10, а копию ГПУ на станцию Шумерля, но до сего времени нет ни денег, ни штанов Горшкову, ни суда Андрееву и Салмину.

А время, между тем, летнее, жаркое. Народ в речке купается. И Горшкову теперь ничего: проснется чуть свет—и в речку. Так весь день и сидит в воде по пояс.

Река при нем вроде как бы в должности невыразимых штанов.

А вечером, когда потемнее, домой бежит. Ничего, приноровился.

Так Горшков и посейчас без штанов ходит, благо тепло! Комары только одолевают.

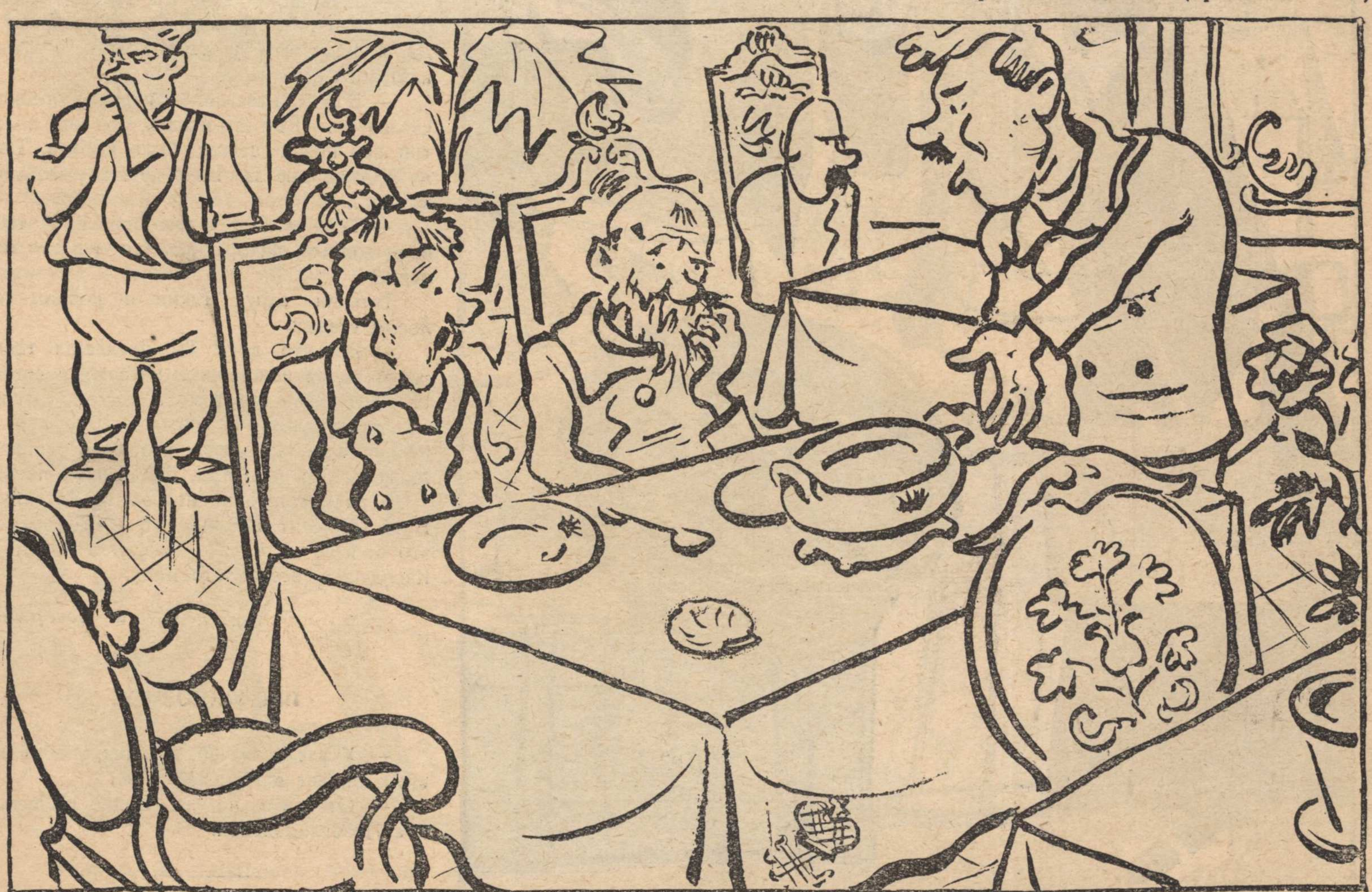
Граждане, нет-ли средства от комаров?

Ив. Прутков

ЗА МАЛЫМ ДЕЛО

Нарпит приобрел у Главнауки две тысячи пудов медной посуды из бывших царских дворцов. Посуда будет распределена по рабочим столовым Ленинграда. (Красн. Газ. № 137)

Рис. Н. Гадлова

— Товарищи! Подумайте только! Обедаем мы во дворце, повар у нас великокняжеский, посуда царская! Чего нам еще надо?

— Нам-то? Щей бы нам таперь погуще!

КЛОНДАЙК И ДЕСЯТЫЙ РАЗРЯД

Читатель! Вы никогда не видали меня? Нет? Но я уверен, что если бы вы меня увидели, то отнюдь не остановились бы в оцепенении от восторга, вызванного моей внешностью и блестящим умом моим. Опять-же, я готов поручиться, что острого отвращения вы бы тоже не почувствовали ко мне... Я, конечно, никогда не выдумаю пороха, но во всяком тресте я смогу быть полезным членом, я без ущерба для любой комиссии могу войти в ея состав; внесу пару дельных замечаний, а в остальном соглашусь со всеми. Жалованье я получаю по десятому разряду, жизнь моя однообразна, но не скучна, и, когда я умру, меня похоронят не на площади жертв революции, а в опрятном, но не видном уголке общегражданского кладбища.

Вот я каков! Но друг мой Тятькин явная противоположность мне. Он стремится к цели быстрее любого поезда. Вот и сейчас вбегает ко мне Тятькин и, бешено вращая белками, говорит:

— Еду... Деньги это всё... У меня будет золото... Алдан больше Клондайка... Еду в Алдан!

Настроение Тятькина вдруг передалось мне, но за отсутствием инициативы я мог лишь умоляюще попросить:

— Тятькин, друг, возьми и меня с собой. И мне золотишка хочется!

— К черту дружбу!—заорал Тятькин.

— Еду один!

— Тятькин, я тебе не буду мешать,—умолял я его.—Я тихонько буду возиться со своей жилой, а к твоей жиле и не полезу!

— Ну и возись со своей жилой в Ленинграде. Алдан—для сильных духом!

— Тятькин! Клянусь тебе, что все самородки весом больше пяти килограммов—твои! С меня хватит и песочку! Буду сидеть в золотом песочке и, как ребенок, делать пирожки и бабы...

— К чертовой матери — баб! — волновался деловой Тятькин.—С твоими нервами можешь у себя в комнате с бабами путаться... На Алдане выживают только избранные.

— Тятькин, я готов работать на любых условиях... Одна пятая — мне, остальное твое, хочешь?

— Нет и нет! Не говори! Хоть пятую, хоть четвертую, хоть третью часть возьмешь,—все равно не соглашусь!

— Тятькин, я умею галеты делать! Вкусно и питательно!

— Нет!

Во мне стало накипать злое чувство против энергичного Тятькина.

— Неблагодарная ты душа, Тятькин! Кто тебе сообщил про существование Алдана? Я! Ведь ты, невежа, думал, что Алдан—это госучреждение, а старатели — нечто вроде героев труда...

Но Тятькин, не попрощавшись, убежал.

Много времени прошло с тех пор. Об Алдане я, конечно, забыл на-завтра после разговора с Тятькиным... Не такой я человек, чтобы прельщаться химерным золотом, когда через неделю меня ждет премия за неиспользование двухнедельного отпуска. О Тятькине не было никаких известий. Жизнь моя протекала также, т. е. однообразно, но не скучно. Четыре раза в месяц я смотрел новые фильмы в кино и каждую получку выплачивал в Гум деньги за демисезонное пальто, взятое в кредит. Жалование мое было — тот же десятый разряд.

Но вот однажды в мою комнату влетает Тятькин. Я с уважением и любопытством смотрел на него, желая хоть примерно оценить Тятькинский капитал. Но Тятькин был непроницаем и молчалив.

— Где твое обручальное кольцо?—спросил я его наконец.

— На коробку спичек сменял—ответил небрежно Тятькин.

Сердце мое преисполнилось завистью.

— Тятькин, неужели ты так дьявольски богат, что тебе не было жалко кольца?... Да, я вижу, что у тебя золото в зубах навязло!

— В зубах навязло!—с горькой улыбкой сказал он.—Вот это и жаль, что мой золотой зуб никак нельзя было выбить. Там, на Алдане, мне за него кусок мыла дать хотели...

— Тятькин! Ты с ума сошел! У тебя бред золотой лихорадки. Что ты там мелешь?

Тятькин вдруг тихим и робким голосом сказал:

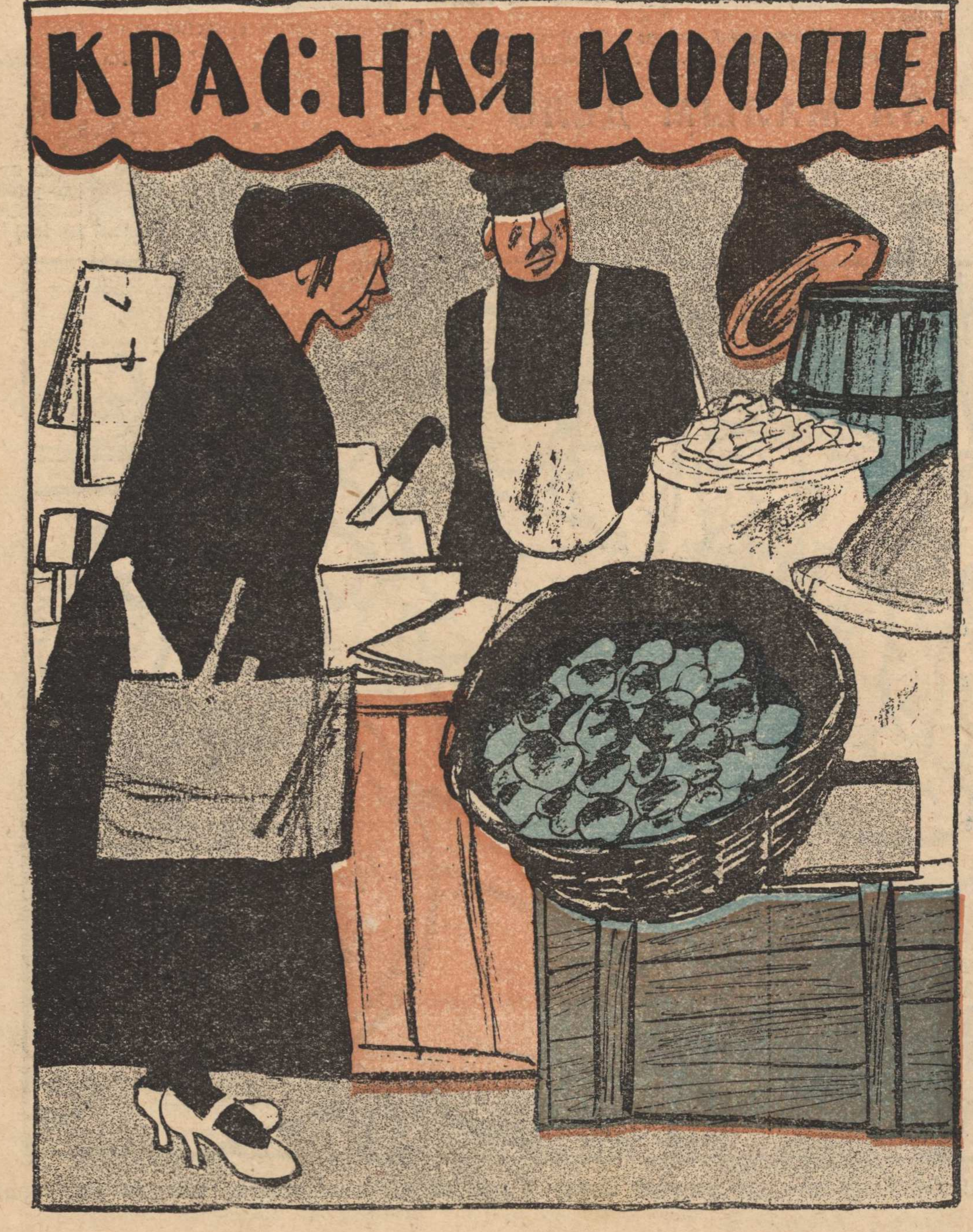
— Вот что, друг! Ты предлагал тогда работать на половинных началах, я согласен! Это было год тому назад. За это время ты получил 12 раз по 80 рублей—960 рублей. Половина—это 48 червонцев. Можешь дать пока три. Остальное—потом.

Я внимательно посмотрел на Тятькина. В этот момент я понял, что 10-й разряд—это больше в тысячу раз, чем Алдан + Клондайк + все золото мира.

М. Коварский

ОБМАН ЗРЕНИЯ

Рис. Л. Бродаты

— Что же это у вас: кооперация красная, а помидоры зеленые?
— Дык это, гражданка, типографский недосмотр: краски перепутали. А так товар, что надо.

ПРОФСОЮЗНОЕ

— У вас казначей, кажется, видное место занимает в Москве?

— Относительно, да. Видно с Лесной и с Новослободской.

— Ваш местком выехал, наконец, на правильную профлинию?

— Стрелку неправильно перевели: на запасный путь въехал.

ЖАРА... ЖАРА...

Рис. А. Гадикова

Навинтил дворник Семен Прохоров кишку, воду пустил. Известно: время летнее, по летнему времени — вода первое дело.

Льет, поливает, пыль прибивает: хорошо!

А тут соседская дворничиха Степанида с метлой. Ну, конечно, тары да бары... А вода льет.

Мальчишки увидали: долго-ли? Семен со Степанидой флирт развели, разговор на манер культсмычки, а мальчишки уже тут, как тут. Попробовали пальцем: температура в самый раз. Штаны скинули.

Купанье идет: черное море—и никаких гвоздей. Нэпман с нэпманшей опять-же проходили. Видят: вода и ни одного Дома Отдыха. Как-же не воспользоваться? Воспользоваться обязательно надо.

Однако, в Губздраве тоже не дураки сидят. Написали входящую, провели исходящую, зарегистрировали курорт. Проспекты в типографии заказали. Вывеску повесили.

И не успели Семен со Степанидой даже словом перекинуться,—а уж тут ответственный профработник с двухмесячным отпуском. Здравствуйте - пожалуйста! И именно на этот курорт—даже улица указана. А в чемодане—литература для вовлечения купающихся масс.

Спасибо вам, Степанида с Семеном! Порадели для трудящегося элемента!

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Иллюстрации Ив. Малютина.

За несколько минут до отплытия парохода, по сходням на палубу проскользнул сутулый высокий человек, в соломенной шляпе, надвинутой на лоб.

Из под шляпы глянули по сторонам острые подозрительные глаза, с удовлетворением отметившие отсутствие знакомых лиц.

Кроме контролера, спросившего билет, впереди оказался крестьянин с котомкой, пассажир третьей палубы. И никого больше.

— Великолепно! — мысленно заключил человек в шляпе, торопливо шагая по сходням, с небольшим саквояжем в руке.

Взойдя на палубу, он машинально швырнул потухшую папиросу.

— Гражданин! Осторожнее с огнем,—послышался строгий оклик матроса.—Поднимите окурок! Порядка не знаете!

Человек в шляпе с радостной поспешностью нагнулся, чтобы поднять окурок.

— Простите, дорогой товарищ!—сказал он веселым смеющимся голосом:—Вы, совершенно правы!

— А что бы ты запел, если бы догадался, кто я?!—продолжал он мысленно:—Но ты, к счастью, не знаешь, как и все прочие здесь, на пароходе. Ну, и отдохну-же я! Пять суток спокойного плавания! Вода, солнце, и никаких гвоздей! Но чего мне стоило выбраться незаметно! Ф-фу!

С этими безоблачными мыслями, он отправился разыскивать каюту № 2.

„Человек предполагает..." Раньше эта поговорка заканчивалась по линии религиозного предрассудка: „...а бог располагает."

Бывший бог, конечно, не имел силы „располагать" на Волжском советском пароходе, но его вредную роль прекрасно выполнили документы, которые в тот-же день пришлось, по правилам, предъявить пароходному начальству.

И человек в шляпе моментально превратился в известного по профсоюзной работе товарища Коврова.

Ах, чорт-бы взял эти документы!

Еще не догадываясь о несчастии, Ковров в легкой косоворотке, в сандалиях на босую ногу, весело посвистывая, вышел из каюты.

Пароход быстро скользил по фарватеру. Под щедрым солнцем сверкала вода, по обеим сторонам медленно двигались назад зеленые берега. Хотелось петь, кричать, по-мальчишески перекувырнуться через голову.

Вот она, Волга! Вот он, долгожданный отдых!

За спиной кто-то деликатно кашлянул. Ковров обернулся и сразу вспомнил окурок и строгого матроса.

Матрос почтительно переминался с ноги-на-ногу, собираясь заговорить.

— Что скажете, товарищ?—добродушно спросил Ковров:— Не насчет-ли того окурка?

Матрос испуганно покраснел.

— Извините, товарищ... Не извольте беспокоиться... Я давеча, не доглядевши, сказал... если-бы знал, что вы...

— Что я?..—холодея от недоброго предчувствия, вскричал Ковров.

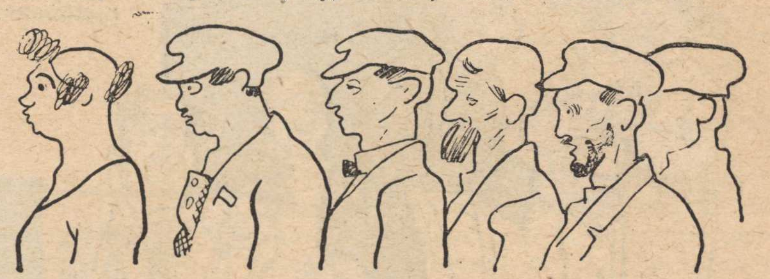
—...Что вы—товарищ Ковров, разве-б я насчет окурка осмелился? Такая перманентная неприятность получилась, но прошу, товарищ, аннулировать окурок, как я беру его со словами обратно...

Внутри у Коврова заныло; и Волга, и солнце, и берега в золотой дымке—все куда-то провалилось.

А матрос, между тем, продолжал говорить:

— Как я редактор судовой стенгазеты, то коллективно прошу, как вы, товарищ Ковров, то наладить нашу работу в русле... А также информировать по физкультуре и промежнародному положению...

За спиной матроса выросло с десяток добродушных лиц: все они смотрели в рот Коврову, ожидая, что он скажет.

Он поспешно сказал:

— Да, да. Конечно. С удовольствием..!

— Сегодня в пять часов у нас в-аккурат заседание редколлегии...—радостно доложил матрос, самодовольно оглянувшись на своих товарищей.

— В пять часов?—машинально переспросил Ковров, и поглядев для чего-то на часы, поспешно бросился к каюте, провожаемый сдержанным шопотом.

Войдя в каюту, он щелкнул замком и опустился в кресло.

— Пропал!

Так, в безмолвном отчаянии, он просидел до пяти часов.

Но привычка—вторая натура. В пять часов он со спокойным серьезным лицом вошел в помещение стенгазеты *„Красный багор"*, где под бородою Карла Маркса его ждала редколлегия.

Говоря о задачах стенгазеты и затем о современном политическом моменте, он даже увлекся и забыл, что находится на пароходе. Ему уже не хотелось ни петь, ни кричать, ни кувыркаться через голову.

Но, когда через два часа Ковров возвращался к своей каюте, потухший, с чувством усталости, он вспомнил, что предстоит еще четыре дня путешествия. Что будет дальше?

На повороте корридора он взглянул и испугался: возле его каюты толпились люди, поглядывая на запертую дверь.

— Спит, али вышедши?—слышались голоса.

— Неизвестно.

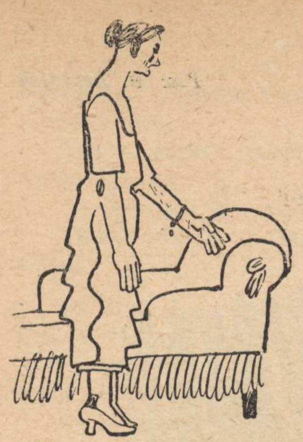
— А ты погляди в дырочку.

— Тёмно. Не видать.

— Граждане, становись в черёд. Организованным порядком. И не пущай заходить с боков. У всех дела, всем надо поскореича.

— Может, граждане, запись устроить? У кого есть бумага?

Ковров отшатнулся и застыл за углом. И как раз, в эту минуту, открылась дверь ближайшей каюты. В глубине каюты Ковров увидел тонкую, как адмиралтейская игла, особу, говорившую протяжным голосом:

— Как вы сказали? Ковров? И вы уверены, что от него зависит утверждение эстрадного репертуара?! Ах, я завтра-же обращусь. Пусть просмотрит. Я даже спою ему... Ведь это такой ужас: запретили петь „Василёчки-васильки...“

Укол адмиралтейской иглы переполнил чашу терпения.

Ковров пятился назад до тех пор, пока не очутился возле борта.

За бортом была вода—узкая полоса воды, так как пароход в этом месте держался ближе к берегу, обходя мель. А за водою—тихий, пустынный берег, покрытый кустарником.

— Четыре дня...—страдальчески повторил Ковров.

— Здеся, братцы! Тут он; эвот—на палубе. Подходи по списку!..

В мгновение он сощурил глаза, расценивая расстояние до берега.

— Человек за бортом?—раздался тревожный крик тотчас, как Ковров с плеском погрузился в воду, вынырнул и саженками заработал к берегу.

Пароход остановили, и в воду полетел спасательный круг.

— Хватайтесь!—кричали Коврову.

Он свирепо потряс кулаком.

— Чорта с два! Езжайте дальше! Не задерживайте публику!

Выбравшись на берег, он услышал в кустах шорох и сопение. Осторожно раздвинул кусты: не человек-ли? Какое счастье: на него смотрела пара бессмысленных коровьих глаз.

Ковров облегченно вздохнул.

Ив. Пружков

УЕЗДНОЕ

Рис. Ив. Каликина

Как старички из богаделен,
И вкривь, и вкось—куда ни глянь—
Торчат домишки. Сверху зелень,
А в окнах—клетки и герань.
Совет, райком, плакаты, книжки,
Милиция, гостреста ларь,—
А жизнь в уездном городишке
Как будто та же, что и встарь.
Кричит петух, судачат утки,
Озорничает мелкота,—
Вон,—за хвост ловит ради шутки
Мальченка жирного кота.
Резвятся бурые коровы,
Весь городок—в одной семье,—
Всегда посплетничать готовы,
Сидят соседи на скамье.
Загнув шикарно край панамы
И завязав по моде бант,
Смущает сердце сочной дамы
Завхоз Фитюлькин—местный франт.
(Известно ли дебелой Кате,
Почуявшей любовный зуд,
О том, что дело о растрате
О нем направлено в губсуд?)
Девица с лентою в косичке,
С ней Вася Прыщ, попавший в вуз.
Вот предкооп трясется в бричке,—
Егор Силантьич, бывший „туз“.
Да, жизнь ведется в новом плане.
Но если глубже заглянуть,—
Исчезли прежния названья,
Но прежняя осталась суть.

Дм. Цензор

ПИСЬМА ИЗ ДОМА ОТДЫХА

Вчера я принял 8 ванн
И два часа в грязи болтался,
Потом, как лошадь дул нарзан,
А после—спортом занимался.
Сегодня врач мне прописал
Ряд всевозможнейших настоек,
А на ночь—скучный Веронал...
Но ничего! Пока я стоек!
А завтра ждет меня опять
Урок сокольских упражнений,
Прогулка в лес часов на пять
И 46 других мучений...
Но я не думаю ворчать:
Трудиться—это мне знакомо!
А, если вы про „отдыхать"...
Так отдыхать я буду дома.

М. К.

МЫ И ОНИ

Рис. В. Лебедева

— И что вы, граждане грибы, толкаетесь? Думаете, что в шляпках... Так эти времена прошли!

В ТОЧКУ

Снаряжали родители на станцию Тишку.

— Мотри, Тихон,—говорил Степан, заправляя выбившееся из под дерюги сено и отмахиваясь лысой головой от бесчисленных мух,—мотри, Тихон, лошадь-то не гони. Да за-дешево не вози; рази пассажиров не будет, аль извозчиков понаедет много...

— Много не будет!—уверенно мотнула головой Дарья.—Где много! Покос!...

— Подходи к седоку великатно, — продолжал наставления Степан.

— Ладно!—зевнул Тишка.

— Да не ладно, а слухай, что отец говорит. Прямо-тки подходи и великатно за чумадан: куда-мол везти прикажете? На все, брат, обращение нужно. Ежели, скажем, непа какого товарищем обзовешь, аль товарища барином—пустой приедешь... Это уж будь спокоен. К примеру говорить будем, дамочка в шляпе и с рудикулем...

Степан задумчиво почесал кнутовищем пониже спины и вздохнул.

— Ну, скажем, дамочка с рудикулем. Ну, чего говорить будешь?

— Я што-ли?

— Не! Кобыла! И что за дурак парень! Конешное дело, ты... Кто-ж еще?

Тишка заморгал белесыми веками, молниеносно махнул рукой под носом и вытер палец об рубаху.

— Пожалте, скажу, барыня-гражданка... Вам куды? И мне враз туды!

— Ну, и дурак! — перебил Степан. — Туды, растуды... Эка язык-то лапотный... Ну, дале что?...

— Дорого не возьму... Кобыла у меня резвая...

— Да что ты, смеешься что ли? Кобыла! Да нешто мыслимое это дело! Они, дамочки-то, бодай их сопля, насчет кобыл не любят... Зазорно им...

— Чего ж зазорно-то?—удивилась Дарья.

— А хрен их знает... Я округ их походил, слава те, господи! Промежду собой на бале голяком, почитай, ходит, а про животную ни-ни!.. Я как в старостах у барина Сухостоева был, евонная барышня шла, а кобель на дороге лежал. Остановилась и кричит мне:—Эй, Степан! Она не укусит?—Кто она?—говорю.— Это ж кобель!..

Потом от барина замечание, что матерьяльно выражаюсь.

— Как же по ихнему-то?—разинула рот Дарья.

— Собака... Что кобель, что сука—все одно: собака. И кобыла, и жеребец, и мерин, скажем—все одно: лошадь... Ну, дале что?..

Тишка неуверенно поглядел на кобылу.

— Да ты уж малого то не мучь... Не дурак, ведь, в сам-деле...

— Погодь!—строго прикрикнул Степан.—Не разводи церемонию! Дале что?

— Дале?—запыхтел Тишка.—Дале скажу: лошадь у меня резвая, значит, враз довезет.

— Не! Негоже! Барыне с рудикулем беспременно смирную лошадь давай. Смирная, скажи, лошадь; первая по смирности на всю округу. Ну, ладно! Поедешь со станции-то, слюни не распущай. Разговор поддёрживай в аккурате. Сам не суйся: не любят которые этого... В разговор ежли седок пойдет, вызнай спервоначалу, откуда такой взялся, чтоб в разговоре потрафить... Которые седоки за разговор прибавляют, ежели в самую точку попадешь. В обличье гляди. Ежели разговор подходячий и с рыла себя оказывает, враз угадать можно. Ежли партейный, не бацни ему, что у твово отца трактир был. Он за власть,—ты за власть; он смычка, — ты смычка. Лошадь, скажи, одна... Еле кормимся...

— Ох, дознаются—хуже будет!—не вытерпела мать.

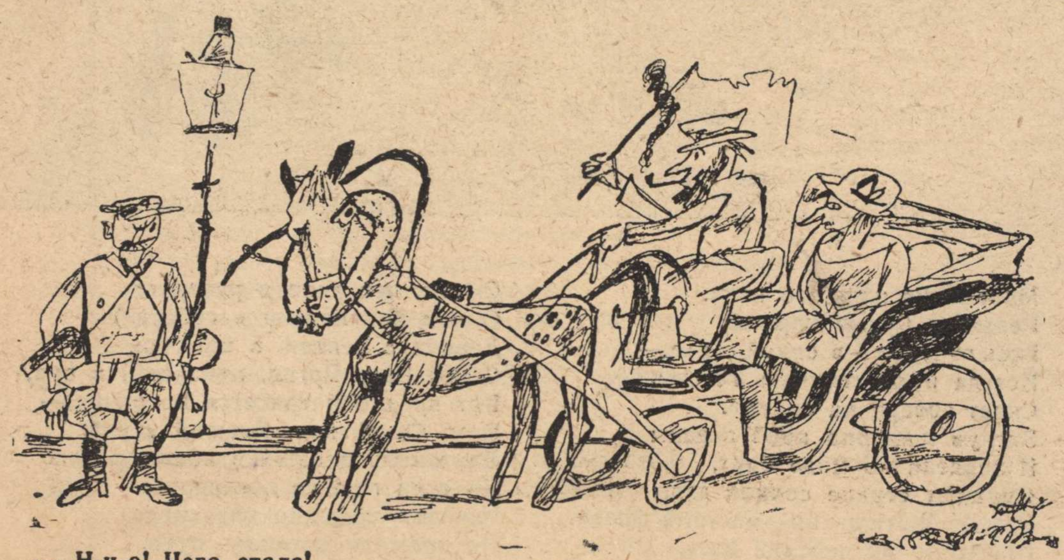
— Не вякай! „Дознаются"!—передразнил Степан.—Кто дознается? Пачпорта не спросют! Теперича будем говорить,—обратился отец снова к Тишке, — везешь ты непа... Магазин у него в городу аль что... С этим начистоту крой. Семь лошадей у меня было,—крой дюжину. Всё, мол, большевики обобрали. Батюшку-попа похвали, на церкву окстись... Брата, скажи, красные убили...

— Господи! И на кой прах врать то?— охнула мать.

ПО ВСЕМ ПРАВИЛАМ

Откомхозом и др. ведомствами, для извозчиков будет издано особое правило об обращении с лошадью, о состоянии экипажа. Извозчикам будет предложено на козлах не спать и во время езды не курить.

Рис. Евг. Надькина

— Н-и-о! Чего стала!

Лошадь — Не нóкай! Не видишь—милиционер стоит, а ты на кóзлах Сафу раскуриваешь! Хозяин тоже!

— Погодь! На прàходьке все знаю... Прàходька—первое дело. Ежели в разговоре потрафишь, обязательно прибавит. Ну, с богом!.. Да стой! Ст-о-о-й! На обличью мотри. Ежли фуранька кожаная, портфиль,—обязательно совецкай. Шляпа мятая, булавочка под глоткой—неп.

Тишка мотнул головой и тронул. Степан посмотрел вслед и вдруг гаркнул:

— Пар-тки бе-лы-и!.. Пер-ща-тки! Бар-жуй!...

Тишка что-то крикнул, хлестнул кобылу и скрылся в облаке пыли.

Из вагона выскочил молодой человек в легкой соломенной шляпе. На шее у молодого человека ярким пятном сверкал красный галстук, а в галстуке сверкала булавка. Ноги незнакомца были облечены в белые брюки.

— Баржуй!—ёкнуло сердце у Тишки. — И портки белые, и булавочка в глотке, и шляпа... Перщаток нет только.

Он шаром подкатился к пассажиру и, взяв кнутовище в зубы, обеими руками ухватился за чемодан.

Молодой человек засмеялся.

— Куды ехать?—выплюнул через кнут Тишка.

— Ишь ты, прыткий какой!.. В Потапово!..

— Пожалте! Полтора рубли... Кобыла, то-ись лошадь резвая...

— Ну, ладно.

Тишка услужливо подправил сиденье и подвода тронулась.

— Одна лошадка-то?— спросил седок, закуривая папиросу.

— Во чорт-то!—подумал Тишка и сделав вид, что не расслышал вопроса, остановил лошадь, сошел с телеги и начал поправлять без надобности хомут.

— С городу будете? — с невинным лицом спросил Тишка, взбираясь на телегу.

— Да. Из города.

— По торговой, видно, части?

Седок засмеялся.

— А как ты угадал?

— Прàходька!- важно сказал Тишка.

— Практика!—Ишь ты какой!...

— А чем торгуете?—вежливо поддержал беседу Тишка.

— Так... вообще...—улыбнулся седок. — А откуда у тебя на торговцев практика-то такая?

— Прàходька-то?..—обернулся Тишка.—Мы сами по торговой части... У мово батьки трактир был первый в округе... Большевики обобрали...

— Так-с.

— А у вас в городу есть большевики-то?—деловито осведомился Тишка.

— Как не быть! Есть. Значит, батько-то твой потерпел от большевиков?

— А как же! Брата расстрелили.

— За что?

— А кто их знает. Пришли и расстрелили.

— Ну, а теперь твой батька как с большевиками?

— Ничего. Мы их учим.

— Как „учим“?

— А очень просто. Батька мой с дядей Егором селькора Чудина отволтузили.

— За что?

— А в газету про батьку написал, что Степан Сугробов самогон курит... Мешок сзаду на голову накинули, чтоб не видал кто бьет, и отволтузили во как!

— Молодцы!—сказал седок.

— Прибавит!—подумал Тишка и начал усиленно нахлестывать кобылу.

На столе лежала повестка явиться в уезд. У стола Степан лупил Тишку вожжами. В стороне стояла мать и плакала.

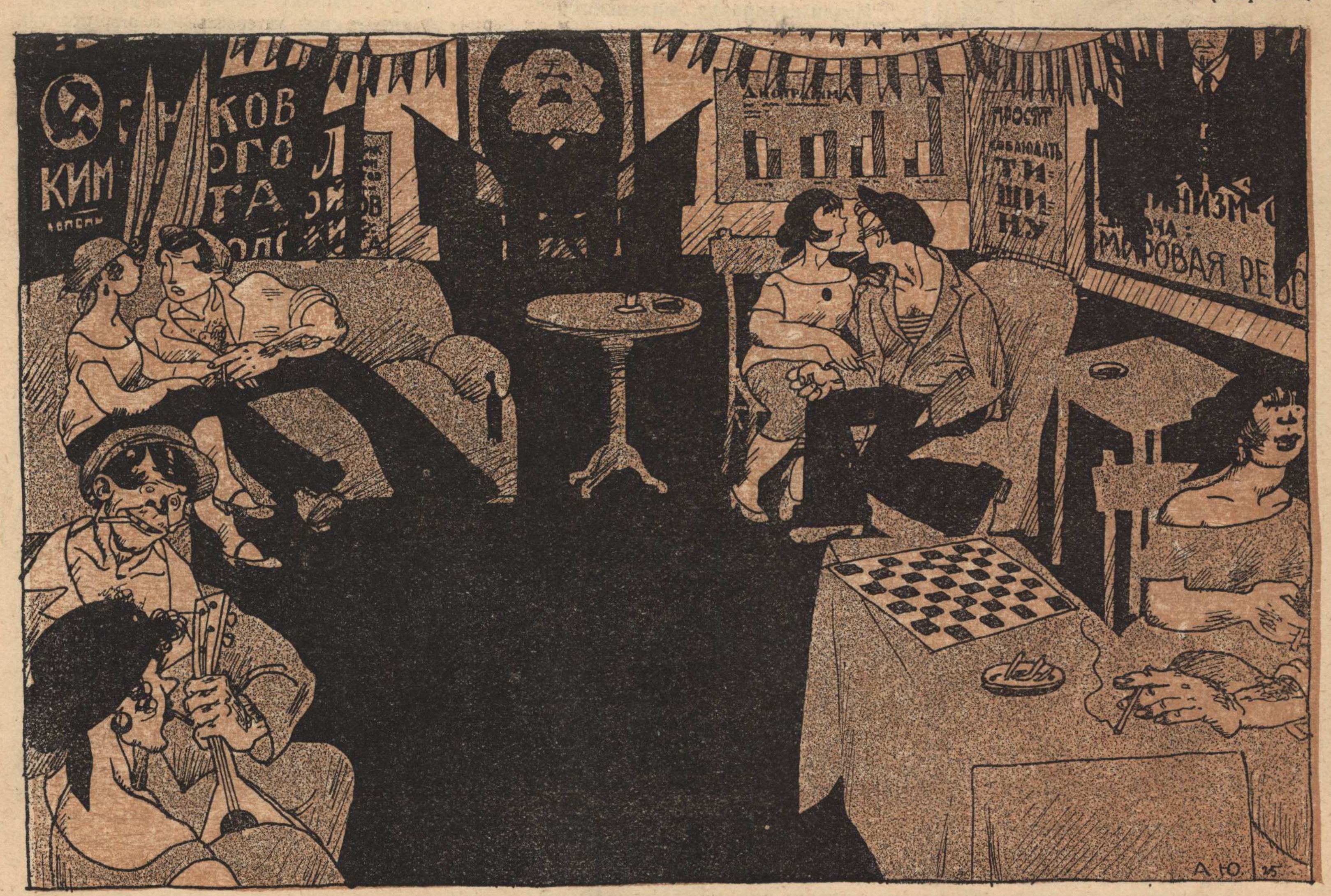
— Портки белые?—рычал Степан.—Булавочка? А в булавке кто?... Кто в булавке?.. Кто?! Ленин! Говорил в обличью гляди! В обличью! В обличью! В обличью!..

И Тишка турманом закрутился по избе. *Р. Волженин.*

„НЕ КРАСНА ИЗБА УГЛАМИ“

В клубе им. Я. Свердлова с 8 ч. вечера начинают собираться посетители, которые устраивают во всех комнатах полный хаос. Молодежь, преимущественно девушки, собираются сюда специально для свиданий, и к 10 час. вечера все помещение превращается в зал для свиданий: во всех углах сидят парочки и громогласно любезничают или ссорятся. (Лнгр. Раб.)

Рис. А. Юнгера

— А где у вас тут в клубе уголок безбожника?
— Нигде. Потому уголков не хватает. У нас в уголках парочки любезничают.

СУХИЕ МОЗГИ

Рис. Л. Бродаты

— Что здесь за пожар?
— Мастерская макинтошей горит!
— Так чего же пожарные медлят?
— А разве они помогут, ежели макинтоши эти непромокаемые?

„ЧОРТ И ЕГО БАУШКА"

Баушка старенька, хиленька,
Баушке—девяносто лет.
„Девяносто годочков, миленька,
Гляжу я на божий свет.

Жисть кое-как волочится,—
Какая у бабки жисть?!—
А все помереть не хочется,
Все, бытто, тянет жить..."

—„А чем ты живешь, хиленька?
Дышешь-то, старая,—чем?"
—„Мнучек у меня, миленька:
Споримся, и, воопче...

Головка-то у его молоденька:
Осьмилеток,—какие года?—
А ни бога тебе, ни угодника,—
Все это, говорит, юрунда!..."

Как, говорю, юрунда, Савушка,
Этак, скажешь—и черт юрунда?!
„И очень просто, говорит, баушка,—
Все они одного гнезда!"

Не стерпела я поношения:
„Перекрестись, говорю, ветродуй!
Кто же, тогда, за пригрешения,
Будет меня припекать, в аду?

Бог-от и богородица,
Может, оно и аллала,
А ежели и чорта не водится—
Для чего ж я чисто жила?

Для чего ж я весь век-от маялась,
С мужем-то, со стариком?
С Ванькой кудрявым лаялась,
С любимым пареньком?

По̀-сердцу был молоденькой
Ванька-то, шпингалет...
Нет, ты скажи мне, родненький:—
Черти-то *—есть, аль нет?..*

Молви взаправду, миленький,
Баушку успокой!
Может, чертишка хиленький,
В пекле, и уцелел какой?.."

„Все передохли, баушка!
Всем им пришел конец!!"
Вот он какой, мой Савушка,
Мнученек-сорванец...

Василий Князев

КОГОТОК УВЯЗ ВСЕЙ ПТИЧКЕ ПРОПАСТЬ

Замороженная Южская фабрика Иваново - Вознесенской губернии охраняется 70 сторожами. К ним приставлены 4 смотрителя, а к этим еще один старший смотритель.

Знаете ли вы город Бескрылов?

В городе 48.000 жителей, не считая экскурсантов, которые сотнями приезжают со всей республики осматривать знаменитую бескрыловскую мельницу...

В городе—1.000 пивных, 900 кинематографов и 10.000 ларьков Моссельпрома

Вот какой это город!

А построил его один Яков Запонкин, управдел уездного откомхоза.

На откомхозовской мельнице, которая стояла за рощей, случился пожар. Сгорело одно крыло.

Через неделю после катастрофы управдел Яков Запонкин подал по начальству докладную записку:

„Ввиду сгорания крыла мельницы, каковой ремонт потребует особого ассигнования в сумме 74 рублей 52 коп., а в кассе денег нет, необходимо срочно назначить на мельницу сторожа Ивана Крышкина, пока мельницу вовсе не растащили на дрова."

А Иван Крышкин—был племянником жены Запонкина и 7 лет уже как числился безработным.

Крышкина назначили сторожем.

Он получил командировочные—65 копеек—и вышел на место новой службы.

А через 4 дня пришел обратно.

— Нешто можно такую мельницу одному охранять?—сказал он управделу.— Ты ее с крыльев сторожишь, а ее подлую, с жерновой стороны расхищают. Одному никак не управиться! Зять у меня есть, Семен Половиков...

Управдел был находчив, как все управделы нашей республики,—он сочинил отношение:

„Назначить на сгоревшую мельницу второго сторожа, гражд. Семена Половикова, выдать ему командировочные в размере 65 к.“

Вечером заведующий финчастью сказал управделу:

— Вот что, Яков Федорович, там у нас мельница сгорела... Нельзя-ли сторожем туда устроить моего двоюродного братишку? Совсем парень от рук отбился, а сторож он хороший...

— Гм, — сказал управдел, — там уже есть два...

— Два?! Разве два справятся? Такую мельницу, ежели вдруг украдут,—все под суд пойдем!

— Что-ж, можно назначить третьего,— сообразил управдел, ибо был находчив, как все управделы нашей республики.

В течение недели к нему обратилось еще 12 человек с просьбой назначить пом. сторожа родственника, кума, знакомого...

Когда на мельнице набралось 15 сторожей, Иван Крышкин пришел к управделу и сказал:

— Нешто возможно с такими сторожами жить? Сами подумайте! Пьянствуют, драки заводят, всю заднюю стенку на дрова разворотили... Чистое наказание!

— А ты смотри за ними!—строго сказал управдел.

— Смотри! Смотрителя себе какого нашли! Ежели прибавите жалованья,—я согласен за смотрителя!

— Ладно! Я доложу!

Через 3 месяца на мельнице было уже 70 сторожей, 4 смотрителя и над ними один старший...

Ежедневно управдел писал туда бумажки—приказы, циркуляры, отношения, запросы.

Пришлось срочно завести 3 новых исходящих журнала.

А входящих не было: из 75 человек, только двое были грамотные, да и те не могли отвечать на отношения, т.-к. на мельнице не было чернил.

Пришлось завести маленькую канцелярию: командировали зав'а, трех машинисток, делопроизводителя, курьеров...

Отвезли 4 ведра чернил.

Переписка завязалась.

Управдел срочно заказал 3 входящих журнала.

Первая бумага, которая пришла с мельничной канцелярии, гласила:

„Ввиду роста населения в поселке около мельницы, управление по охране сгоревшей мельницы указывает на острую необходимость в срочной организации при поселке: 1 больницы, 1 чернильной фабрики, 2 отделений загс'а, 3 универсальных магазинов, 24 пивных, 35 кинематографов и 105 ларьков моссельпрома...

Однажды председатель уездоткомхоза ехал в губернский город покупать себе галоши.

— Заеду на сгоревшую мельницу!— решил он.—Посмотрю, как ее охраняют!..

Председатель остановился в гостиннице, поужинал в ресторане Б.С.П.О., вечером пошел в кинематограф, а утром, купив в универсале галоши, отправился осматривать мельницу.

Его сопровождала депутация от управления по охране.

Председателя привели в центр города и указали на столбик посреди площади.

— Вот!

— А где-же мельница?

— Мельница?—удивилась депутация.— Так ее ведь еще два года назад всю растащило население! Разве-ж за ними усмотришь!..

Столбик был хороший, прочный. И было в нем что-то историческое...

Вернувшись домой, председатель отдал распоряжение: „назначить комиссию по ликвидации охраны сгоревшей мельницы у рощи, где сейчас город Бескрылов. Ликвидацию произвести в срочном порядке, закончив не позднее 1937 года к октябрю месяцу...

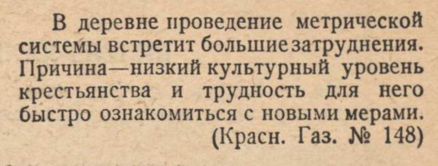
И сейчас в г. Бескрылове открывается новая гостинница, 30 пивных, 12 кино и 6 отделений нарсуда.

Приступлено к закладке собственного бескрыловского исправдома.

А памятника управделу Якову Запонкину все еще нет.

Э. Гард

МЕТРО-ЗАСКОК

В деревне проведение метрической системы встретит большие затруднения. Причина—низкий культурный уровень крестьянства и трудность для него быстро ознакомиться с новыми мерами. (Красн. Газ. № 148)

Рис. М. Шемиота

— Дядя Селифан! Сколько керосину-то требуется?

— Свесь-ка ты мне, милый, на одну метролампу четыре с половиной километра так, чтобы целая бутылка получилась.

ВКУСОВОЕ

— Послушайте! Почему вы просите на-чай, когда чаевые отменены?

— Так что, потому и просим, что они отменены. Полагаю, что ежели бы они не были отменены, вы бы и сами дали!

В КУРСЕ СОБЫТИЙ

— Теперь я понимаю, что значит разменный голод!

— А что?

— Да вот двугривенного на обед даже нет.

ВЫ ПОДУМАЙТЕ!

В с. Кугаево (Тобольск) пасшиеся возле села коровы набрели на спрятанные в кустах бочки с самогонной гущей. Коровы поглотили всю гущу и захмелели. Несколько коров пало.

Не раз мы видели с тоскою,
Смотря в газетные листы:
Как лился самогон рекою
И люди пили, как скоты.
Но вот читаем мы о чуде:
Ехидный рок
Дает урок—
Скоты перепились, как люди...

Сколь заразителен порок!

д'А.

ПО-БОЖЬЕМУ

Сельский совет с. Троицкого (Артемовск) издал „декрет“:

„Во избежание недоразумений в регистрациях брака обоих полов, троицкий ЗАГС уведомляет, что регистрация без родителей производиться не будет“.

На душе черно, как вакса:
Хоть беги к попу из ЗАГС'А!
Смех в глаза и за-глаза:
Папа против, мама за!
Сельсовет косится строго:
Чуть чего—огреет всласть...
— Уважайте, дети, бога
И родительскую власть!

А. А. А.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

КИНЕЛЬ-КАНИТЕЛЬ

На ст. Кинель Сам. Зап. ж. д. рабочим выдают крупные купюры червонцев, которые невозможно разменять без убытка.
„Сам. Ком."

Мы в сужденьи не будем строги,
Мы метим в простейшую цель:—
Переименовать Кинель в Канитель
Той-же дороги!

ПРОСТОЙ ВЫХОД

В „Ниж. Коммуне" жалуется селькор:

ГАЗЕТА ВМЕСТО ОБОЕВ.

(С. Б.-Болдино, Н.-Слободской вол., Лукояновского уезда).

Для комитета взаимопомощи нашего села получается стенгазета „Взаимопомощь".

Вместо того, чтобы ее вывешивать на видном месте, для чтения,—*председатель комитета тов. Скворцов оклеивает этими газетами свою избу.*

Конечно, хорошо иметь чистенькую избу, но все же, тов. Скворцов, общественной газетой оклеивать стены не годится.

Спрашивается: что нужно сделать чтобы председатель не покрывал стен газетой?

Ответ: покрыть председателя в стенгазете!

Может быть, и поможет.

НИЖ-ГОРЕ-ЗДРАВ'Ы

В „Нижегородской Коммуне" некая гражданка отчитывает порядки Гор-Здравотдела. Говоря о болезни, она пишет:—

Болезни врачами определяются с плеча. У моего сына в первый день признали малярию, на второй—триппер, на третий—дезинтерию, на четвертый—бронхит, а, в действительности, *оказался лишай.*

Неизвестно только—какой лишай: если стригущий, то это дает возможность подстричь горе-здравов под гребенку.

ТОВАРИЩ-БИБЛИОТЕКА И ГОСПОДИН ВАТЕР-КЛОЗЕТ

По сведениям „Рабочего Края":

Библиотека-читальня в Ивановском клубе „Электромет" имеет своей соседкой уборную, отделенную от нее только тонкой перегородкой.

В библиотеке—вонь. Из уборной доносятся громкие разговоры, а иногда и площадная ругань. Условия для умственной работы—самые подходящие.

Что для правления клуба дороже; товарищ-библиотека или господин ватер-клозет?

Что вы, товарищи? Так ставить вопроса нельзя: и то, и другое—предметы первой необходимости. Трудность вопроса заключается для нас в том, что со стороны неясно:—уборная-ли помещается в библиотеке, или библиотека—в уборной. Во всяком случае, кто-то должен срочно выехать: товарищ-библиотека или господин ватер-клозет.

Товарищи правленцы! Вы ближе к клубу, загляните—обсудите—решите. А нам из Ленинграда не видно.

НАШЛА КОСА НА... НОЖНИЦЫ

Твердый человек — заведующий Оренбургским Детгородком. Читаем о нем в „Советской Степи":

ОТЕЦ—ИГУМЕН

(Детгородок в быв. женском монастыре)

Заведующий Детгородком т. Караман считает, очевидно, женские волосы украшением дьявола.

Как только увидит на какой нибудь взрослой воспитаннице косу, так сейчас же вооружается ножницами и давай стричь на-голо.

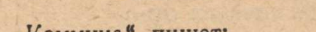
Если не удастся днем, то ночью, крадучись, *пробирается в спальню и делает нападение на волосатых девушек.*

Поднимается суматоха, крики, слезы.

— Как вам не стыдно, т. Караман!

— Ничего, ничего, я ваш отец!—успокаивает блюститель нравов и лихо щелкает ножницами над головой своей жертвы.

Оренбургскому Губоно остается пробраться в Детгородок, сделать нападение на заведующего и отбрить его, как следует. Где стригут, там и бреют.

СОСУНЫ И СОСКИ

Самарская „Коммуна" пишет:

Понадобились второму участку сл. пути медные соски для умывальников. Заказали десять штук через начальника участка тяги.

— Пожалуйте денежки — *по три рубля девять* копеек — просит тяга.

— Помилуйте, на *базаре соскам цена 75 коп.*

— Ничего не знаем. Соски сфактурованы по действительной стоимости участка, а посему прошу уплатить. А в будущем, если вам выгодней, то приобретайте на рынке,—не церемонясь, ответила тяга.

Второй заказ на такие же соски дали электрическим мастерским. *И мастерские взяли всего по 45 коп. за штуку.*

Ну и дела! По два с полтиной лишку вытянули с соски. Сразу видно, что не младенцы какие-нибудь! Сосать так сосать!!

АЗАТЯНСКИЙ НРАВ

О нем рассказывает „Терек":

В Суворовский адмотдел прибыл агент Угроза: Азатян. Чувствуя себя он здесь шишкой высокого полета; вместо того, чтобы со стороны населения пользоваться симпатией, он пользуется антипатией. Груб с крестьянами - просителями, называет их „серыми мужиками". Вот пример:

Приходит гр. Бондарев П, спрашивает о судьбе его исполнительного листа, а Азатян ему в ответ:

Напрасно ты тут торчишь со своей противной рожей, которая так и просит кирпича.

Вниманию Суворовского Адмотдела в Угрозыске: сидит противная рожа, которая так и просит увольнения!

Об исполнении донести.

НАРКОМПОЧТЕЛЬ НА СЕЛЕ

В столицах и городах высятся странные мачты радио - станций, работают: телеграф, телефон, спешная почта, а

Председатель сельского райсовета (Сычевского у.) Дутиков носит по карманам корреспонденцию граждан района и будучи частенько пьяным, нередко ее теряет.
(*„Смоленская Деревня"*).

Очевидно, что в те дни, когда работает самогонный аппарат, аппарат связи района хромает.

Прикарманит такой предсельком письма и—конец.

А между тем, почта, товарищи,—народное достояние!..

У ЧОРТА НА КУЛИЧКАХ.

Бог и чорт сданы в архив. Но, оказывается, не совсем.

Оказывается, у чорта в Уфе на восьмой год революции имеется обширное владение,—как помещик живет и гостей принимает.

В Уфимской газете „Красная Башкирия" находим такое объявление:

СЕГОДНЯ

Чортово городище: экскурсия коммунистов и работников просвещения.

Товарищи коммунисты! товарищи просвещенцы! И не стыдно вами итти к чорту?!

ПЛАКАТ, ЧТО НАДО

Обо всем пишет „Орловская Правда", в частности:

О ТОРГОВЛЕ, ОБИДЕ И ПРОЧЕМ

Где как, а в Срловском отделении Госсельсклада все делают по-своему, в соответствии с желаниями начальства.

Так на *дверях магазина Госсельсклада по Комсомольской ул. красуется объявление*:

„*Без дела в магазин не входить*".

Крестьяне, прибывающие на базар, смотря на это объявление, обычно, чешут затылки и, понурив головы, уходят, не торгуясь и не покупая, потому, ведь: „Без дела не входить".

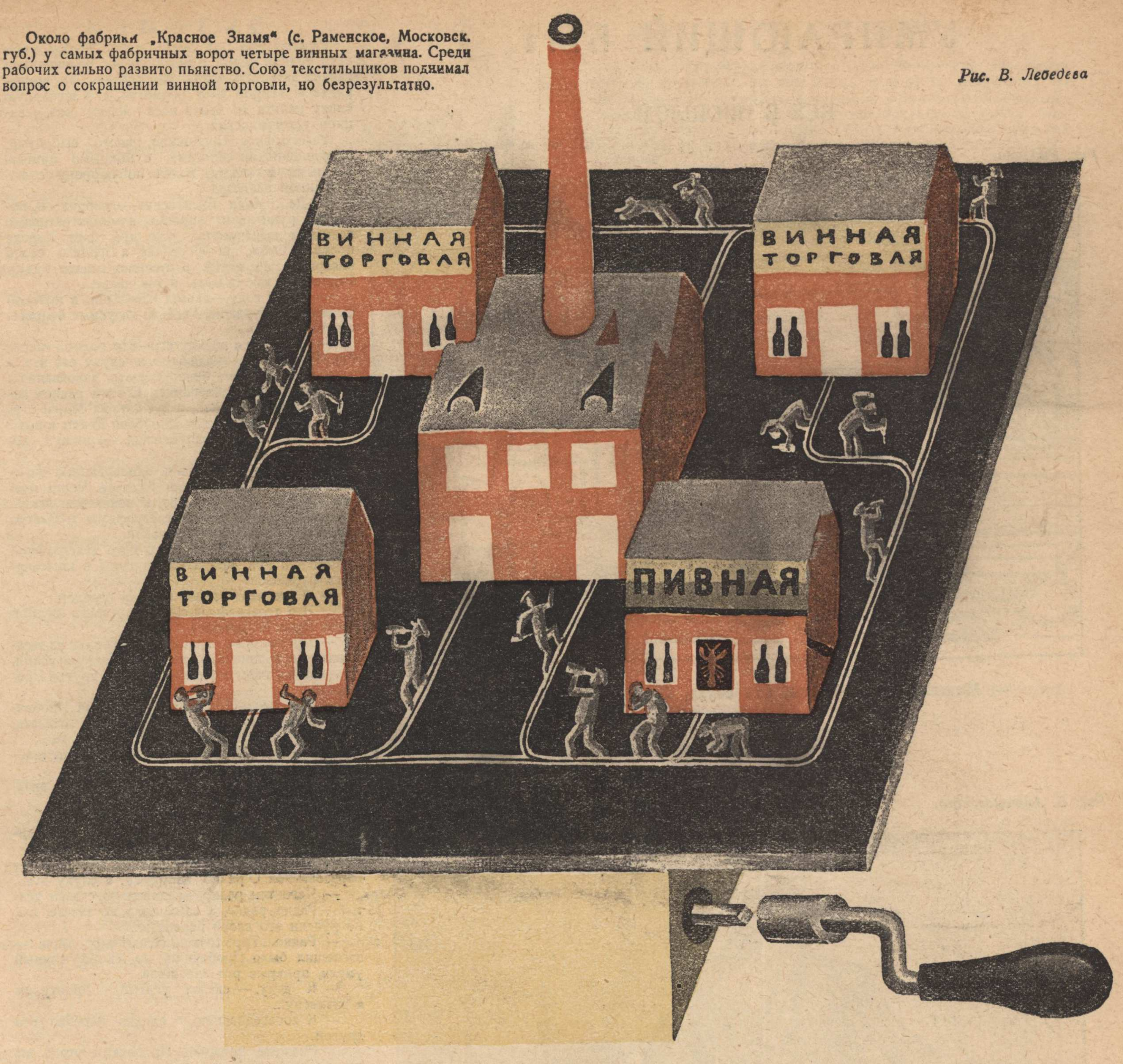
Это называется стоять плакатом к деревне. Ну и стойте, а мужики постоят, постоят перед плакатом и пойдут в частную лавку.

Только и всего.

Около фабрики „Красное Знамя“ (с. Раменское, Московск. губ.) у самых фабричных ворот четыре винных магазина. Среди рабочих сильно развито пьянство. Союз текстильщиков поднимал вопрос о сокращении винной торговли, но безрезультатно.

Рис. В. Лебедева

НОВЕЙШАЯ ИГРУШКА С МЕХАНИЧЕСКИМ ЗАВОДОМ.

НЕДЕЛИМАЯ КОРОВА

Пишет нам... вот, честное слово, не угадаете,—кто!.. пишет нам Наркомздрав, тов. Семашко:

Дор. тов.! Вашим острым лезвеем черкните пожал. это многоумное постановление дороги о перевозке ½ коровы.

А постановление Административного Отдела Октябрьск. ж. д. такое:

> Все транспортники имеют право на перевозку в течение года только 1 раз одной коровы, агентам же Здравотдела,— имеющим, согласно приказа НКПС № 600 и последующих разъяснений, права транспортников *только в половинном размере,—может быть предоставлен наряд на перевозку ½ коровы, а так как это при ее неделимости невозможно, то (Администр. Отдел) вовсе отказывает в выдаче наряда на перевозку скота.*

В сущности, чтобы придумать такое постановление, достаточно иметь одну нижнюю половину тела (ту, на которой сидят).

Но, ввиду неделимости мудрых администраторов, позволительно спросить: чем занята у них верхняя половина (с головою)?

КЛЮЧ К ЗДОРОВЬЮ

Факт, а не реклама.

Со слов жертвы сообщает рабкор 1005:

> 21-го июня с поездом № 23 (М.-Б.-Б. ж. д.) следовал санитарный вагон № 201 с фельдшером для оказания помощи больным. Вагон следовал без освещения, без лекарств и без инструментов. В Районах больному ПДР фельдшер, при осмотре полости рта, засунул в рот, вместо необходимого инструмента, вагонный ключ.

Хорошо, что этим вагонным ключом он случайно не запер ему рта (должно, не подходит ко рту!), а то так бы и не узнали мы о завоеваниях желдорожной медицины.

А как, братишки, нарывы у вас режут? Неужели—под вагонное колесо—чик и готово!—вместе с ногой, головой или прочей больной конечностью...

ГОРЕ—ШЕФЫ

Кинешмская газета „Приволжская Правда“ по заслугам кроет местных шефов:—

С СЕМЯЧКАМИ К ПОДШЕФНЫМ ЕЗДИМ

> Шефкомиссия ф-ки „Красная Ветка“ при выездах в подшефные деревни берет каждый раз аванс на расходы по „шефству“ 10 р.
>
> В отчете об израсходовании этих сумм проставлено.
>
> **Израсходовано:** Музыкантам 5 руб., за молоко и яйца 1 р. 50 к., за папиросы и семячки 2 руб., техническому работнику школы за уборку... А всего на сумму 10 руб.
>
> Т.т. шефы! Берите пример, ездите в подшефный район обязательно с семячками, т. к. с ними скорей можно осуществить смычку рабочих с крестьянством.

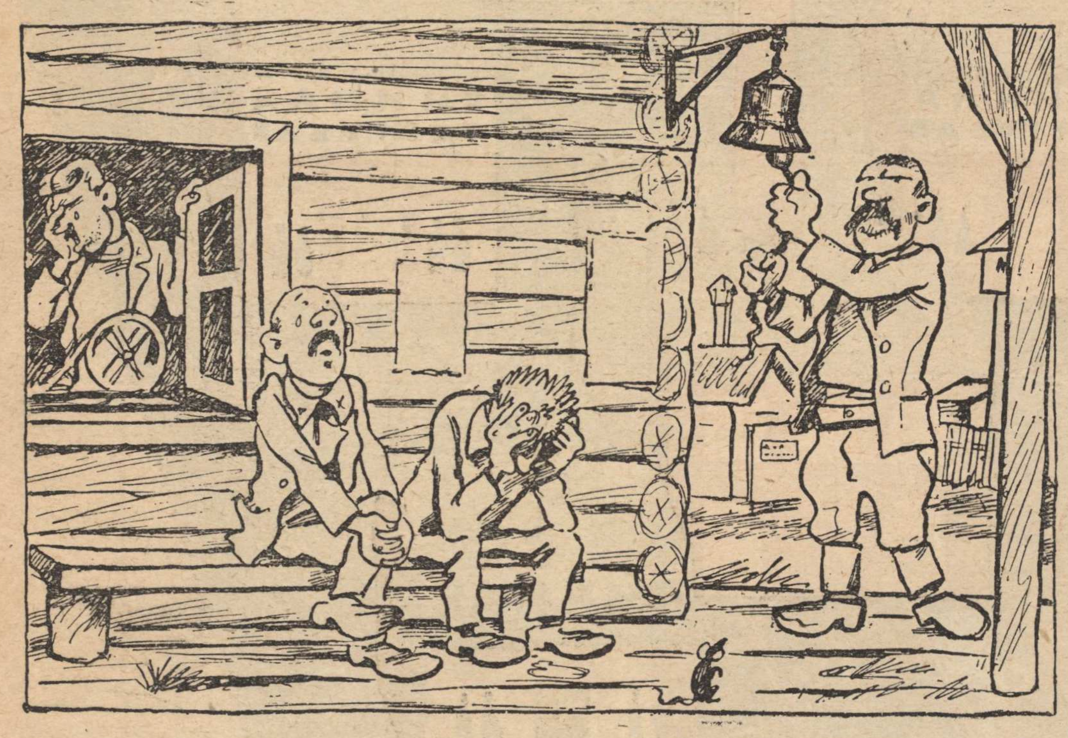
Стали горе-шефы лицом к деревне, а толку нет, потому лицо у шефов—подсолнухом заросло.

УМИРАЮЩИЙ БЫТ

ВСЕ В ПРОШЛОМ

Рис. Радлова.

В СССР. на ж. д. отменен третий звонок...

— Миша! Сыграл бы ты, для слуха, бывший третий звонок...

НИКАК НЕ УГАДАЕШЬ!

Рис. Б. Антоновского.

В СССР отменены паспорта...

— Штаны и браслетку с последнего дела за две липы отдал... А тут отменили... Э-эх, жизнь!..

ЭКЗАМЕН

Разъезд был маленький, тихий, поезда мимо него ходили редко и между рельс половичками начала зацветать трава. Но сегодня он принарядился: перрон был подметен, а в пожарную бочку налита до краев вода — ждали экзаменационную комиссию.

Телеграфист Пробочкин, чисто выбритый, с начищенными сапогами, с мокрыми приглаженными волосами, ходил по перрону с начальником разъезда.

— Да... Иван Васильевич,—говорил он, потирая руки—вам хорошо административные познания выказывать. Как при царе Горохе правила были, так и сейчас, а нашего брата наверняка по науке и технике гонять будут. Радио это, так сказать, и так далее...

— В 13 году,—сказал начальник в красной форменной фуражке,—весьма казусные вопросы ставили...

— И откуда я возьму его—это радио,—перебил Пробочкин,—коли здесь и слуху его нет, а в тоже время такие, можно сказать, завоевания...

— Ну, вас с завоеванием. С этим радием находились бы с рукой, а тут хоть на Морзе стукаете, да получаете свои 18 рублей 25 коп. и все...

— Служебный запросился!..—крикнул дежурный по станции.

Пробочкин и начальник одновременно оправили тужурки и заходили быстрее. Через полчаса, когда из-за семафора показался дымок, Пробочкин пробежал в телеграфную и быстро встал за аппаратом как часовой.

Пять минут спустя, в дверях телеграфной показались две небритых фигуры в инженерских фуражках.

— А это что?—ткнула одна пальцем.

— Это телеграфная-с!—ответствовал идущий сзади Иван Васильевич.

— Ну, вот тут и начнем,—сказал один из экзаменаторов, с длинными, как у хохла, седыми усами.

— А вы телеграфист?—спросил другой Пробочкина.

— Так точно-с!—сказал оробевший Пробочкин, вытягивая руки по швам—так сказать, абориген здешних местностей... хе, хе, хе...

— Ардальон Иваныч! Давайте сперва вот телеграфиста и порасспросим.

Усатый согласился, вынул из портфеля экзаменационные листы и сказал:

— Нда... Как это ваше имя и фамилия?..

Пробочкин сказал и, как бы в виде оправдания, добавил:

— Местность, извольте видеть, глухая и необразованная. О радио, например, и слуху нет...

— Чего там радио,—недовольно сказал усатый.—Радио, радио, а сами, поди, не знаете, как по русски это слово передать...

— Радио... Тире точка... Точка, тире, тире...— заспешил было Пробочкин, но сконфуженный умолк, прикрыв рот ладошкой.

— К делу, — сказал усатый, — приступим к экзамену...

— К собеседованию, — ехидно перебил его другой.

— Скажите, товарищ Пробочкин, что б вы стали делать, если на станции умерли все, кроме телеграфиста?..

Пробочкин ошалело поглядел на экзаменаторов.

— То-есть, как это умерли? Иван Васильевич и, стало быть, прочие... Да как же это так все разом...

— Зарезали—с ужасом подумал он—ни в одном вопроснике этакого вопроса нет.

— Они умерли—заметил он.—А я, стало быть, не умер, уж и не знаю, может ли так быть...

— Ага, не знаете—строго сказал усатый и, вертя в руках чернильницу, спросил:

— Второй вопрос. Как наливать чернильницу?

Пробочкин замигал глазами.

— Чернильницу надо наливать...

И смешался:

— Запамятовал! Извините, запамятовал! Жена, так сказать. Сын, так сказать, пионер. Сам в русско-германскую был, в русско-гражданскую был...

— И этого не знаете?—сказал усатый и добавил:

— В таком случае, на переквалификацию.

И написал в уголке листа букву п.

P. S. Читатель пошел недоверчивый. Выдумываете, дескать. А зачем выдумывать, когда жизнь за нас выдумывает:

> — Как наливать чернильницу?
>
> — Что делать, если на станции умерли все, кроме телеграфиста?
>
> Именно эти вопросы задавались экзаменационной комиссией сл. связи Екатерининской дороги. („Гудок", 140).

В. Т.

ПРОПИСНАЯ ИСТИНА

„Меня сократили со службы, ввиду того, что я занимала должность уборщицы в том учреждении, где мой муж был смотрителем дома.

Моего мужа сократили, ввиду того, что он занимал должность смотрителя дома, в том-же учреждении, где его жена, т.-е. я была уборщицей.

В результате мы оба попали под сокращение."

(Из заявлений в Р. К. И.)

Если ты служишь смотрителем,
А уборщицей служит жена,
Несомненно, ты станешь—числителем,
Знаменателем станет она.
При наличии общих делителей,
Как ты знаешь—дробь упрощается
Ведь тогда знаменатель с числителем—
— „Сокращается".

М. Тименс

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

КНИЖНОЕ СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

Книжка называется: *„Как они горят" (спички, лампы, печка и человек).* Издана Госиздатом (Красная Новь).

А вот, что написано в книжке:

„Дело выходит так, что ни конца света, ни страшного суда не будет. Почему? Потому что хотя нам кислород нужен, а угольная кислота вредит, но на свете кой-кому наоборот, нужна угольная кислота, а кислород ни к чему".

Одним словом, ясно и доказательно, как палец!

Тираж книжки—30.000 экземпляров.

Интересно бы узнать—„как они горят", если сложить в кучу и облить керосином.

ВОЛЖСКАЯ ЛИРИКА

В Самар. газете „Коммуна", безвестный сотрудник соблазняет Самарских граждан прелестями Волги:—

Ослепительно-яркое июльское солнце освещает, золотит берег Волги. Почти всегда серая, сердитая Волга празднично поголубела· *Манит в себя.*

Посудите, дорогой читатель, как Волге не быть сердитой, если она течет мимо Самары, где храбрые волжане настойчиво насилуют русский язык!

ОТЛОЖЕНО, НО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

О том, насколько трудно разобраться в хитрой политике Антанты, свидетельствуют нижеследующие заголовки из двух ленинградских газет, (обе за № 157 от 12-го июля). Под заголовками помещены аналогичные телеграммы.

Атака против СССР продолжается

Выступление против СССР отложено.

Тут сам Чемберлен ногу сломит!

Оно, впрочем, и хорошо: нету в нас жалости к Чемберленовой ноге.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

Адрес для литературной корреспонденции—Ленинград, Пр. Володарского, 53а. Рукописи, не принятые к печати, редакцией не сохраняются. По всем вопросам, связанным с неаккуратной доставкой журнала, подписчикам надлежит обращаться по месту подписки: Москва, Солянка 12, Дворец Труда, Главная Контора, или Ленинград, пр. Володарского, 53а, Отделение Конторы.

Ленинград, А. Марэнину. Вы пишите в своем рассказе „Бедный Саша":

„Я был в праве удивиться увидевши его в костюме далеко не сезонном и тем более *опирающего* на палку".

Увы! палка не выдержала „*опирающего*", и „Бедный Саша" упал в корзину.

Кисловодск, С. М. „Никогда, ничего, нигде не писал"...

Судя по присланному материалу, это же самое о вас скажут благодарные потомки.

Минск, Ив. Ф-ву. Действительный факт, использованный вами в рассказе „Сердцееды", безнадежно стар. На эту тему писали еще два года тому назад.

Ленинск (б. Чарджуй), П. Гер-ву ...„Интересуетесь вы нами, азиатами, или за людей не считаете?"—

спрашивает П. Г-ов.

За людей считаем, а за поэтов—нет.

Присланные стихи слабы и не затрагивают интересных окраинных тем.

Гомель, газете „Полесская Правда" Напечатанные вами стихи „Пахтырь" (рассказ заезжего) заехали к вам из „Смехача".

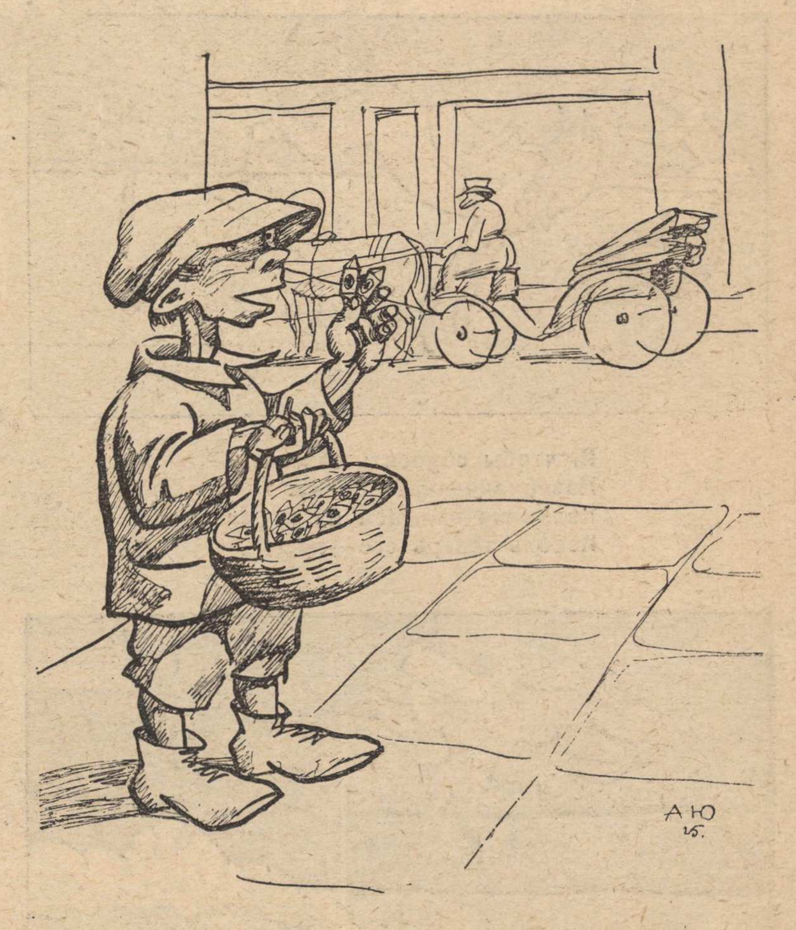
В случае дальнейших перепечаток, просим указывать место выезда.

Ст. Христиановка, Ю. З. ж. д., Я. Притыке.

Вашему сотрудничеству в „Смехаче" чинит препятствие наркомпочтель: рукописи не получили.

НА УГЛУ

Рис. А. Юнгера

— А вот настоящая сливочная карамель по копейке штука!

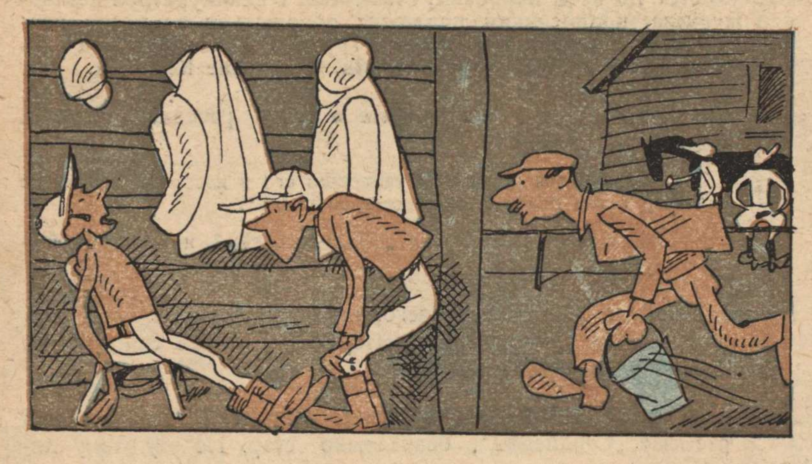
— Вот сведу тебя к милиционеру: на штуки старорежимные торгуешь: пора на метрические меры перейти!

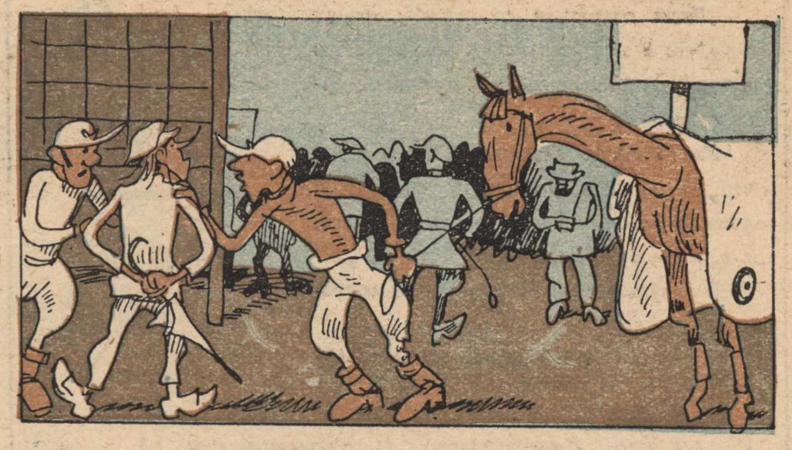
Издатель: „ГУДОК"   Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит. № 14945   Типография "Инвалид Печатник" Ленинград, Улица Воинова, 26.   Тираж 60.000

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН ПОЛУЧАЕТ ПЕРВЫЙ ПРИЗ

Текст А. д'Актиля — *Рис. Б. Антоновского*

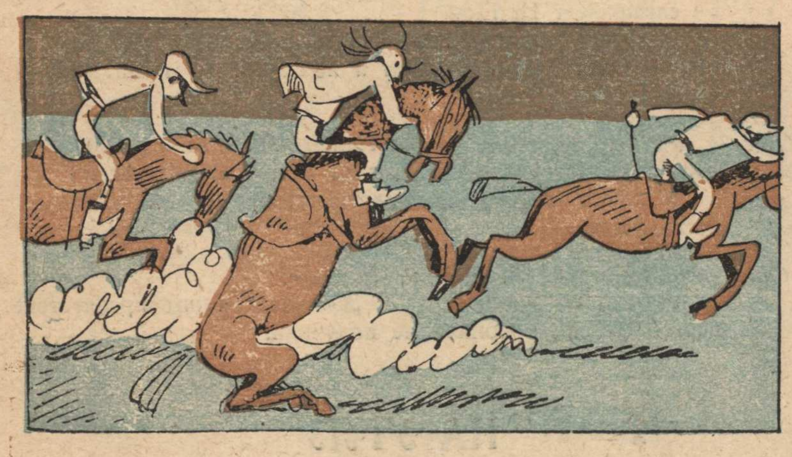

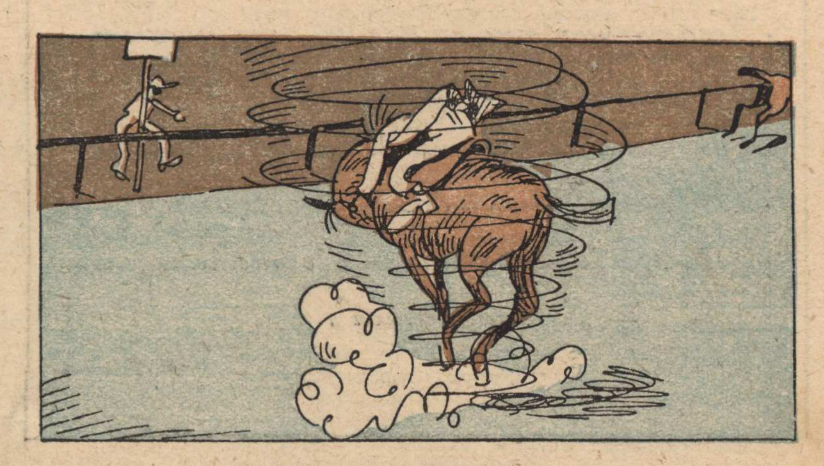
Несчастье! Каверза! Скандал!
Наездник Тишкин захворал.

— „Дружище Надькин! Дело—во!
Вы не замените-ль его?"

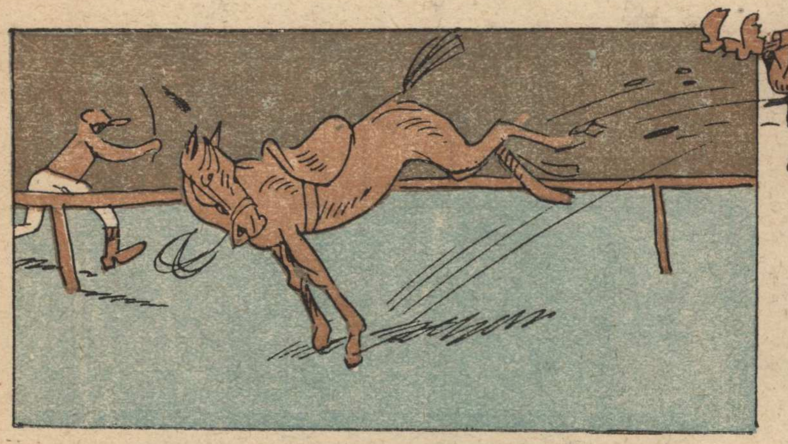
—„Что-ж, если надо, я могу!"
(А „Верный" думает:—Угу!).

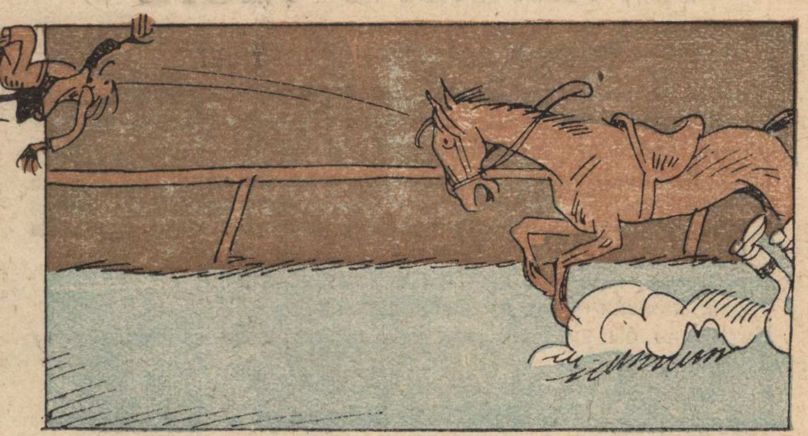
Дан знак. Едва пройдя столбы,
Метнулся „Верный" на дыбы.

Евлампий в страхе лег ничком—
Но „Верный" кружится волчком.

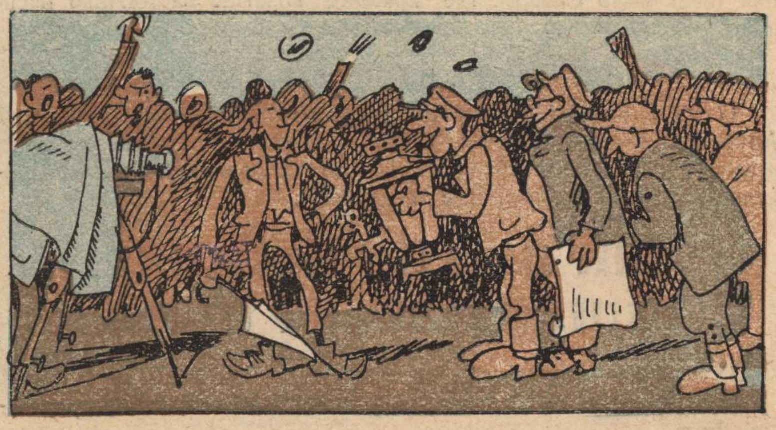
И, чтобы сбросить седока
Наверняка—дает пинка.
Евлампий—камнем из пращи...
Изволь теперь его—сыщи!

Меж тем, капризна, и легка,
И также сбросив седока,
Трехлетка резвая „Фраже"
Подходит к финишу уже.

Сам рок готов исправить зло:
Упал Евлампий... ей в седло!

Вопят трибуны:—Браво! Бис!
И Надькин получает приз.